

Глава 4

Ван Ин шел обратно к дому, задумчиво вертя в пальцах сизо-зеленую травинку.

«Если ночное видение не было плодом воображения, значит ли это, что моё экспериментальное поле перенеслось в этот мир вместе со мной?»

Конечно, подобное казалось полной бессмыслицей, но раз уж он сам умудрился «воскреснуть в чужом теле», то о какой науке могла идти речь? Ван Ин попытался снова мысленно позвать «экспериментальное поле», но ответа не последовало.

«Неужели войти туда можно только в определенное время? Что ж, попробую еще раз ночью!»

— Молодой господин, — внезапно раздавшийся за спиной голос заставил юношу вздрогнуть.

Обернувшись, он увидел дядю Чэня — старого слугу, приглядывавшего за Чэнь Цинъянем.

— Дядюшка, что же вы так рано поднялись?

— Старость, — улыбнулся старик. — Сон не идет.

Дядя Чэнь проникся к Ван Ину симпатией. Вчера, когда семейство второго господина явилось обирать вдову, именно новый зять сумел дать им отпор. Если бы не он, стервятники своего бы не упустили.

— Почему же вы стоите на пороге, молодой господин? Проходите в дом.

— А... да, засмотрелся на утро, — Ван Ин отворил дверь, и они вместе вошли в спальню.

Чэнь Цинъянь уже проснулся. Он одарил гостя хмурым взглядом и жестом подозвал слугу, прося помочь ему добраться до уборной. Спустя добрых полчаса они вернулись. Последовало долгое умывание, переодевание и укладка волос — к моменту, когда с утренним туалетом было покончено, больной дышал тяжело и прерывисто, а лицо его стало пугающе бледным.

Ван Ин про себя лишь хмыкнул.

«Надо же, одной ногой в могиле, а всё туда же — этикет превыше всего»

Завтрак принесла служанка: две миски пшенной каши, несколько пышных серых маньтоу и тарелочка с соленьями.

Серыми их называли потому, что технологии помола муки в это время были еще примитивными. В серой муке оставалось много примесей, поэтому выпечка не сияла ослепительной белизной, как в современном мире. Впрочем, даже такой хлеб был роскошью для простых крестьян. В памяти прежнего владельца тела остались лишь лепешки и каша из бобового жмыха — от такой еды живот вечно раздувало, а серую муку в семье Ванов видели только по большим праздникам.

Ван Ин одним махом проглотил три маньтоу и осушил миску каши. Взглянув на соседа, он заметил, что Чэнь Цинъянь за всё это время не съел и половины своей порции. Отхлебнув немного пшеничного отвара, юноша отодвинул еду, показывая, что больше не притронется.

— Господин, съешьте еще хоть немного, — с тревогой в голосе попросил дядя Чэнь. — Как же тело окрепнет, если вы совсем ничего не едите?

— Дай мне книгу, — отрезал Цинъянь.

Характер у него был упрямый: если сказал «нет», значит, больше и крошки в рот не возьмет. Старик тяжело вздохнул и направился к книжному шкафу. В этот момент Ван Ин внезапно встал, подхватил недоеденную миску и преградил слуге путь.

Чэнь Цинъянь недоуменно вскинул брови:

— Что ты делаешь?

— Будешь доедать? — прямо спросил Ван Ин.

— Нет.

— Тогда я скормлю эту кашу твоим книгам.

— Что?! — больной округлил глаза, решив, что ослышался.

Ван Ин тем временем выудил с полки трактат «Чжунъюн», который юноша читал вчера, раскрыл его посередине и занес миску над страницами.

— Не смей! Положи книгу на место! — Чэнь Цинъянь зашелся в яростном кашле.

Дядя Чэнь замер как вкопанный, покрываясь холодным потом:

— Господин... господин Ин...

Видя, что его сокровище вот-вот будет загублено, юноша побагровел и едва не лишился чувств от гнева. Ван Ин же, невозмутимо потянувшись за вторым томом — «Лунь Юй», — спросил:

— Ну так что, будешь есть?

— Буду... съем всё...

— Дядюшка Чэнь, принесите господину еще каши.

— А? Ох, сейчас, мигом! — старик бросился к котелку.

Вскоре перед Цинъянем стояла дымящаяся миска пшена. Под пристальным взглядом Ван Ина тот, стиснув зубы, съел всё до последней капли. Только тогда «Лунь Юй» вернулся на полку.

Ван Ин небрежно вытер руки платком:

— Вот видишь, можешь ведь, когда хочешь.

Цинъяню было не до гнева — он поспешно велел слуге проверить состояние пострадавшего тома. Однако, открыв книгу, дядя Чэнь обнаружил, что страницы чисты. Его собеседник просто разыграл перед ними спектакль: он заранее вложил в середину чистый лист бумаги, так что каша, даже если бы и пролилась, не коснулась бы текста.

Осознав, что его обвели вокруг пальца, Чэнь Цинъянь пришел в неопишемую ярость. Ткнув пальцем в сторону двери, он прохрипел:

— Вон! Убирайся отсюда!

— О, глядите-ка, подкрепился — и голос сразу прорезался. Если в следующий раз откажешься от обеда, я твои книги досыта накормлю, так и знай.

— Проваливай!

Ван Ин расхохотался и успел захлопнуть дверь за мгновение до того, как в неё полетела пустая миска. В комнате остался лишь разгневанный супруг, в бессилии колотящий кулаком по кровати.

Дядя Чэнь, стоявший рядом, не знал, плакать ему или смеяться:

— Я, пожалуй, тоже пойду...

Цинъянь раздраженно махнул рукой. Оставшись один, он попытался сосредоточиться на чтении, но буквы прыгали перед глазами. Стоило ему зажмуриться, как он видел торжествующую ухмылку Ван Ина.

«Негодяй... Вот поправлюсь — сразу напишу разводную! Обязательно вышвырну его вон!»

***

Во дворе дядя Чэнь, посмеиваясь, обратился к молодому человеку:

— А ведь ваш метод сработал! Господин уже давно не ел с таким аппетитом.

— Метод, может, и грубоват, но главное, чтобы он силы восстанавливал.

— Ваша правда, — кивнул старик и принялся подметать двор.

Ван Ин задумчиво прищурился:

— Я заметил, что аппетит у него есть. Почему же он всегда ест так мало, будто птичка?

Слуга оглянулся на окна спальни и, понизив голос, прошептал:

— Вообще-то, негоже мне об этом болтать, но раз уж вы теперь в браке... Прошлой осенью господин сильно простудился, и с тех пор здоровье его совсем подкосилось. К зиме он уже не мог вставать с постели. И вот однажды... случилось несчастье. Он съел лишнего, и живот его подвел...

Несмотря на все старания, Чэнь Цинъянь осквернил ложе.

Для юноши, чья гордость была дороже жизни, это стало сокрушительным ударом. Семья пыталась его утешить, твердила, что в болезни нет стыда, но тот так и не смог простить себе этого позора. Несколько дней он не пил и не ел, тая на глазах, и только когда Госпожа Ли пригрозила покончить с собой, он согласился принять пищу. Но с тех пор он ел лишь крошечными порциями, панически боясь, что подобный случай повторится.

«Человек — это не камень, без еды долго не протянет», — подумал Ван Ин. В голову ему внезапно пришла идея — сделать кресло-каталку.

Не громоздкое сооружение с огромными колесами, а что-то вроде легкой коляски для прогулок. В прошлой жизни его бабушка под старость мучилась с ногами, и он купил ей удобное кресло на маленьких колесиках. С ним она могла и в лавку съездить, и отдохнуть, если

устанет. Если сделать такую вещь здесь, дяде Чэню не придется таскать парня на закорках в уборную, да и самому Цинъяню станет куда проще.

— Дядюшка Чэнь, есть у вас на примете толковый плотник?

— Есть, конечно. А что вы задумали смастерить?

— Хочу заказать кресло на колесиках. Я набросаю чертеж, а вы передадите мастеру.

— Договорились. Как закончите — несите мне.

***

Когда Чэнь Цинсун заглянул на задний двор, он застал Ван Ина за рисованием.

— Ищешь меня?

— Матушка... матушка просила передать, что сегодня день хуймэнь — возвращения в родной дом. Вам нужно навестить родных, — паренек был застенчив и густо краснел при каждом слове.

Ван Ин поднял голову:

— Какое еще возвращение?

— Ну, обычай такой, — Третий сын семьи Чэнь неловко поскреб затылок. — На второй день после свадьбы принято навещать родителей супруга.

Чэнь Цинъянь в его состоянии, разумеется, не мог составить компанию, поэтому Госпожа Ли решила отправить с ним младшего сына.

— Передай госпоже, что я никуда не поеду.

— Почему это?

— Мал ты еще, не поймешь, — Ван Ин подул на чернильный набросок, передал готовую схему дяде Чэню и направился в главный дом.

Когда он вошел, Госпожа Ли вместе со служанками уже собирала дары для поездки. Матушка оказалась на редкость щедрой: приготовила полтуши свинины, четыре коробки сладостей, два

рулона грубого полотна и один — тонкого шелка. Всё вместе это тянуло на добрых пять гуаней.

«Вчера жаловались, что закрома пустеют, а гляди-ка — тощая верблюдица всё равно выше лошади», — подумал юноша.

— Ин-эр, ты как раз вовремя! Посмотри, может, чего еще не хватает?

— Матушка, ничего не нужно. Я не планирую возвращаться к ним.

Госпожа Ли замерла в недоумении:

— Как же так? Это ведь против всех правил.

Ван Ин подошел к разложенным вещам:

— Мои родители куда бесстыднее второго дяди. Они родного сына продали, не моргнув глазом, а уж если увидят богатых родственников — и вовсе с шеи не слезут.

Госпожа Ли мгновенно всё поняла, и лицо её побледнело. Ей одного Чэнь Бяо хватало за глаза, а если к их дому присосется еще одна семейка вымогателей, жизни не будет.

— Ну... поступай, как знаешь. Но навестить их всё же стоит, — неуверенно добавила она.

Ван Ин на мгновение задумался.

— Навестить — навещу. Но подарков не возьму, и поеду один.

Прежний владелец тела натерпелся в том доме сполна. Раз уж Ван Ин занял его место, он просто обязан «отплатить» им за доброту.

— Пусть дядя Чэнь тебя отвезет. Возвращайся скорее.

— Хорошо.

В хозяйстве Чэней держали несколько мулов. В эту эпоху повозка, запряженная мулом, была основным средством передвижения для зажиточных семей. Старый слуга правил уверенно и ровно, так что часа через два они добрались до деревни Ванцзячжай. Ван Ин велел остановить телегу на окраине, а сам направился к дому родителей пешком.

Остановившись у ворот, он окинул взглядом знакомый до боли двор. В груди внезапно

кольнуло. По памяти он знал: прежний хозяин тела прожил здесь восемнадцать лет. Вставал раньше петухов, ложился позже собак, прислуживал всей ораве, не слыша ни слова благодарности, а в итоге его продали за десять гуаней, доведя до отчаяния. От одной мысли об этом кровь закипала в жилах.

Ван Ин прижал руку к груди.

«Не горюй, маленький Ван Ин. Я за тебя поквитаюсь»

Он решительно взлохматил себе волосы, нагнулся, зачерпнул горсть сырой грязи и размазал её по лицу и одежде. После чего, набрав в легкие воздуха, он с воплем ввалился во двор:

— Ой, матушка-родимая! Не жилец я больше! Жизни мне нет!

Голос у него был зычный, а завывания — столь истошными, что Госпожа Ван, кормившая в доме внука, от испуга выронила ложку.

— Кто там еще голосит, как по покойнику?!

В комнату вбежал Ван Пин:

— Это второй брат вернулся!

<http://bllate.org/book/15812/1422551>